

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИАЛОГУ

Н.Л. Лейдерман

КАК НАМ СБЕРЕЧЬ ЕДИНОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО?

Вступительное слово на XIII Всероссийской научно-практической конференции «Взаимодействие национальных художественных культур: литература и лингвистика (проблемы изучения и обучения)». Екатеринбург, УрГПУ. 23 октября 2007 г.

Проблема, которую мы здесь собрались обсуждать, имеет колоссальное значение для жизни и благополучного будущего России. Для нашей страны, где волею истории собраны более ста наций и народностей, где соседствуют все мыслимые религиозные конфессии, где рядом живут самые разные расы, – куда опаснее, чем американские ПРО у наших границ, страшнее, чем боевики Бин Ладена – опасность внутреннего раздора, внутренней свары и вражды. Эта проблема всегда стояла остро – и в царской России, и Советском Союзе. Но с распадом СССР эта проблема вышла на первое место. И теперь всякого рода проявления национальной нетерпимости с кровавыми последствиями – убийствами и военными конфликтами уже, к нашему горю, не стали редкостью.

При всем цинизме национальной политики КПСС, просто в силу долгого существования под одной государственной крышей и, может быть, в силу присущего нормальным людям стремления к общению и добрососедству, у нас в Советском Союзе к 70-м годам сложилось **единое культурное поле**. В ту пору мы ощущали прозу киргиза Чингиза Айтматова и стихи аварца Расула Гамзатова, прозу грузина Нодара Думбадзе, армянина Гранта Матевосяна, романы литовца Миколаса Служкиса и повести белоруса Василя Быкова как **наше общее культурное богатство**. Может быть, это ощущение культурного сродства и было главным цементирующим составом, который держал нас всех вместе, не давал развалиться на национальные островки.

Сейчас на территории бывшего СССР существуют пятнадцать независимых государств. Однако появление государственных границ не означает возведение границ в умах людей, в их культурной памяти, ликвидация единого союзного министерства культуры не означает ликвидацию сложившихся за многие годы межнационального общения художественных вкусов и привязанностей.

В последнее время стало модно говорить об экологии культуры. Если это понимать как защи-

ту от засорения пошлостью (а она, кстати, безнациональна), бесчеловечными идеями – то тут и спорить не о чем. Но когда под лозунгом экологии начинают ограждать свою нацию от контактов с другими национальными культурами, препятствовать их взаимодействию, высокомерно превозносить свои национальные ценности над ценностями, выношенными другими этносами, то тут, как говорится, жди беды.

Великодержавные шовинисты, играя на газовых заслонках и электрических рубильниках, бестактно оскорбляют национальное достоинство народов-соседей, которых география лишила собственных источников энергии. Так они пытаются восстановить былую великую державу, но унижениями не загонишь в общую упряжь, только ненависть вызовешь.

А если подумать: может быть, великий украинский актер Богдан Ступка скрепляет братство русского и украинского народов попрочнее всех трубопроводов всемогущего Газпрома? И разве всякие конъюнктурные свары между элитами России и Грузии могут отнять у россиян Вахтанга Кикабидзе и Нани Брегвадзе? Разве отделение от России стран Балтии вычеркнуло из мелоса миллионов жителей России музыку латыша Раймонда Паулза и из культурной памяти кинозрителей гениальную игру литовца Донатаса Баниониса?

Словом, у нас есть достаточно прочная база для восстановления и упрочения единого культурного поля на всем пространстве России и бывшего Советского Союза.

В этом свете крайне актуальное значение приобретает поиск методических путей формирования интереса к культурам народов-соседей, и здесь идти следует от изучения к обучению. Адекватная методика может складываться только на основе научных знаний о природе инонациональных явлений, о механизмах взаимодействия национальных культур.

Попутно замечу: нам, работающим в вузах и школах Урала, надо брать в учет особую сложность изучения взаимодействия национальных культур здесь, в нашем крае. Россия была изначально полиэтнична. Но *Большой Урал* – это *уникальный этнокультурный регион*, подобного которому нет нигде в России. Если в большинстве национальных регионов России, да и всего Со-

---

Наум Лазаревич Лейдерман — доктор филологических наук, профессор кафедры современной русской литературы Уральского государственного педагогического университета.

ветского Союза, обычно соседствуют две национальные культуры – русская и, так сказать, «аборигенная», то на Урале – форменный котел, где «варятся» разные типы культур, имеющие разные цивилизационные корни: славянская, тюркская, угрофинская, самодийская (ненцы). Здесь соседствуют разные конфессии – от христианской и мусульманской до языческой. Это все – Урал.

Это усложняет нашу работу, но не дает нам право устраниваться из-за ее сложности.

Назову только вкратце те исследовательские направления, которые представляются, на мой взгляд, наиболее актуальными.

1. Активизировать внимание ко всему спектру контактов русской художественной культуры с художественными культурами народов-соседей по всей «стреле времени», начиная с мифологии и фольклора.

В традициях русской компаративистики, заложенных А.Н. Веселовским (растоптанных в 1940-е годы под флагами так называемой «борьбы с космополитизмом»), было обстоятельное изучение влияния Западной литературы на русскую. И это знание надо восстановить и углубить. Но не менее научно значимо изучение влияния русской литературы на художественную культуру Запада и Востока. А здесь есть что изучать. Тургенев и Мопассан, драматургия Чехова, признанного зачинателем новой европейской драмы XX века, совершенно фантастический авторитет Достоевского и Толстого во всем читающем мире... Но много ли работ, выясняющих – в чем конкретно проявлялось их влияние на мировое художественное сознание?

2. В высшей степени интересно изучение рубежа XIX – XX вв., потому что в это время идет процесс *равноправных*, так сказать – паритетных, взаимовлияний между модернистскими и авангардными течениями России и Запада. Процесс этот самоочевиден, но научно не изучен. То, что ранние символисты учились у Бодлера и Верлена, отмечено всеми исследователями. А вот европейские экспрессионисты учились у русских – у Кандинского и Маяковского, и даже в 30-е годы спорили, кто на кого влиял – Дос Пассос на Пильняка ли Пильняк на Дос Пассоса...

3. Что же до России и СССР, то тут до сих пор сохранилось движение исследовательской мысли в одну сторону – изучалось *влияние русской литературы на иноязычные культуры*. А вот *обратное влияние литератур народов России и СССР на русскую художественную культуру* находится в самом зачаточном состоянии. А между тем тут открывается большое поле для серьезных теоретических и историко-литературных изысканий.

Интереснейший вопрос – как осуществляет *художественное двуязычие*? То есть когда автор, пишущий на русском языке, создает из русского языкового материала образ иноязычного

менталитета, иноязычной речи. Я попытался определить только некоторые механизмы такого художественного билингвизма в работе ««Русскоязычная» литература – перекресток культур». (Опубликована в сборнике пленарных докладов нашей конференции). А тут остается непечатый край работы...

Далее, очень важно было бы вникнуть в *механизм стилизаций* под иноязычное мышление. Ведь без этого все наши рассуждения, например, о кавказских поэмах Пушкина и Лермонтова или гоголевских «Вечерах на хуторе близ Диканьки» носят весьма приблизительный, если не сказать дилетантский характер.

4. Особого внимания заслуживают процессы, протекающие в последние 30 лет в литературах Севера. Ибо там появились талантливые произведения, где современность вывернется колоссальным опытом, накопленным в уникальной *мифологии* этих народов. «Тайна Сорни-Най» манси Ю.Шесталова, проза ханта Еремея Айпина, «Илир» ненки Анны Неркаги, романы чукчи Юрия Рытхэу... На фоне этих текстов обнажается искусственность мифологизма многих современных русских романов и повестей, где он превращен в модный прием. У северян же мифологизм органичен, он есть духовное пространство героев, наших современников. Их мифологическая память хранит святое, сакральное отношение к природе, очень ранимой, учит тому, как сохранять ее для потомков – и вековые охотничьи угодья, рыбные нерестилища, и отгонные пастбища...

Мне крепко запомнился эпизод из лирической повести Е.Айпина «Я слушаю землю»:

Когда мама случайно топором задела Землю, она быстро ровняла порез, закрывая его щепками и хвоей. Я вспомнил, что так же делал и отец, если его топор нечаянно соскальзывал с дерева на землю. И я спросил маму, что все это значит. «Это рана на теле земли, – сказала мама. – Ни в коем случае нельзя оставлять раны. Больно Ей.

Думаю, не надо объяснять, насколько актуальны и горестно полемичны подобные семантические откровения на фоне хамского, безжалостного, без заботы о завтрашнем дне потомков, ограбления Севера, происходящего сегодня, но и в целом – на фоне разрыва между современной цивилизацией и природой.

5. Оглядываясь в многонациональном культурном пространстве, окружающем Россию, нам следовало бы оценить влияние на русскую военную прозу *эпико-драматических повестей* белоруса Василя Быкова и *художественно-документальной прозы* его друга Алеся Адамовича («Я из огненной деревни», «Хатынская повесть»), и ученицы Адамовича – Светланы Алексиевич («У войны не женское лицо», «Цинковые мальчики» и др.)

Нельзя недооценивать влияние на русскую прозу *литовского лирического романа «потока сознания»* (М. Служцис, А. Беляускас и др.), *филологических романов* грузина Отара Чиладзе («И всему роду твоему», «Железный театр»), *интеллектуальной иронической прозы* эстонцев Энна Ветемаа («Монумент» и другие его так называемые «маленькие романы») и парадоксальных исторических романов его соотечественника Яана Красса («Имматрикуляция Михельсона», «Императорский безумец») Это все создавалось совсем недавно, рядом с нами во времени и пространстве. Это продолжает жить в культурной памяти и сейчас.

6. Что же до так называемой «деревенской прозы», то это, оказывается, не только русское явление, а феномен, зародившийся практически во всех национальных литературах СССР в 70-е годы. Поэтому «деревенская проза» представляет собой великолепное поле для исследования родства национальных менталитетов и – что очень существенно – параллельности поисков духовных противовесов идейному распаду общества «развитого социализма», который одновременно стали вести русские писатели Василий Белов («Привычное дело»), Валентин Распутин («Последний срок» и др. повести), Виктор Астафьев («Последний поклон», «Царь-рыба»), и армянин Грант Матевосян (повести «Оранжевый табун», «Хозяин»), и киргиз Чингиз Айтматов (все, написанное им, начиная с повести «Материнское поле»), и украинец Григор Тютюнник. Кстати, в 70-е годы и в соцстранах (в ГДР, Болгарии, Чехословакии) это течение получило развитие.

Словом, тут исследовательских забот не впрокорот. Но они должны привести к обогащению нашего культурного кругозора, должны повысить планку уважения к ментальности иноязычных народов, должны развить наше умение читать «чужое», понимая его глубинные смыслы и наслаждаясь эстетическими открытиями.

Особого серьезнейшего разговора требуют **лингвистические проблемы**, связанные с взаимодействием национальных культур. Где мне только ни приходилось жить и бывать: на Украине, на целинном Казахстане, в Прибалтике, на Кавказе, в США, Чехии, Польше – везде она оказывалась болевой зоной для душ людей, с которыми встречался...

В языке есть нечто мистическое. Все мы помним строки из стихотворения «Мужество» – клятвы, которую произнесла Анна Ахматова в самом начале смертельной войны с фашизмом:

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово...

А ведь такую же клятву несет в душе любой человек, независимо от численности его национального этноса, ибо для любого человека родная

речь – это святыня, порой не осознаваемая даже... Владение родным языком – это самый надежный корень национального самосознания. Утрата родного языка – это тяжелейшая психологическая травма для личности. Как потеря связи с родственниками, как забвение голоса предков, как превращение себя самого в безродное перекачи-поле.

В последние десятилетия языковые процессы протекают бурно, хаотично. Происходит своего рода *интернационализация языкового развития*. В быт вливается язык Интернета, идет новое великое переселение народов. На этой почве возникают поразительные языковые феномены – *языковые гибриды* (на Украине давно существует такой русско-украинский гибрид, его в пору моей юности называли «суржиком»), я уже слышал фантастические русско-американские конгломераты (когда английские слова склоняют и спрягают по правилам русской грамматики: «Я его не пушаю», то есть «не подталкиваю»).

Тут указами ничего не запретишь и ничего не навяжешь. Это живой процесс. Но он создает очень сильную угрозу вымывания языков малочисленных народов, их растворения в языке так называемых «титальных наций».

Значит, современная лингвистика должна искать противовесы этой убийственной тенденции. Какие? Не знаю. От своих коллег из Удмуртии еще лет пятнадцать назад я слышал советования на то, что в их словаре уже примерно половина слов – русские, или кальки с русских. Я спрашивал в Израиле: как там удалось оживить древнееврейский язык, который уже две тысячи лет считался мертвым, имел только религиозно-культурное применение. Ведь столько новых явлений, предметов, событий было, столько новых обозначений родилось... Мне ответили: в иврите новые явления, как правило, не калькируются, а переводятся на свой язык. Например, там, в отличие от всего мира, не употребляется термин «компьютер» – вместо него говорят «мэх-шев», то есть «машина думающая». Там не употребляют международное слово «футбол», а говорят «каду-рЭгел», то есть «игра ногами»... Вот вам один из механизмов самосохранения языка малочисленного народа.

Короче говоря, лингвистам есть над чем ломать голову...

Хочется надеяться, что плодами головоломных штудий наших ученых-филологов – и лингвистов, и литературоведов, по проблемам взаимодействия национальных художественных и речевых культур умело воспользуются методисты и учителя-практики. Некоторые уже ищут (судя по тезисам докладов) и, конечно же, найдут способы обучения, адекватные образовательным задачам. Надо только осознать их значимость для судеб России.